Кропотова Л. В.
ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КРИТЕРИЕВ РАЗЛИЧЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ
Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/50.html
Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник
Альманах современной науки и образования
Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 120-122. ISSN 1993-5552.
Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html
Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"
Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

При реализации РА приказа-запрета встречаются и модальные модификаторы необходимости в сочетании с отрицательной частицей НЕ (7 %):

1) НАПОЛЕОН. Кстати, Лас-Каз, у вас появилась привычка править мои слова. Этого делать *не следует*.

(Э. Радзинский. Роковые минуты Истории: Наполеон: жизнь после смерти).

Приказ-требование представляет собой некатегорический приказ, но, тем не менее, обязательный для выполнения. Данный РА не допускает отказа. Произнося РА приказа-требования, говорящий предполагает, что он «имеет право или возможность осуществлять данный иллокутивный акт» [Миляева 2004: 13]. Говорящий убеждён в своём праве настаивать на исполнении адресатом своего волеизъявления.

Набор средств выражения РА приказа-требования составляют:

- императивы (64,7 %): БОМАРШЕ. Мадемуазель, *выполняйте* ремарку.

(Э. Радзинский. Роковые минуты Истории: Бомарше: игры писателей);

- глагольные формы изъявительного наклонения (5,8 %):

МЕЛЕТ: Вы *прикажете* священному хору, который наверняка уже вытвердил какие-нибудь вирши, выучить то, что сочиню я. … Мне нужна слава, и вы мне её *дадите* за это.

(Э. Радзинский. Беседы с Сократом);

- модальные модификаторы необходимости (5,8 %) и долженствования (7,8 %): 1) ОНА. … Мне *нужен* горячий чай!

(Э. Радзинский. Она в отсутствии любви и смерти);

2) АЛИН. … Вы *обязаны*, князь, передать Её величеству моё письмо.

(Э. Радзинский. Последняя из Дома Романовых).

Таким образом, можно отметить, что ядро и доминанту ФСП приказа составляет РА чистого приказа, на периферии расположены РА приказа-команды, приказа-запрета и приказа-требования. Каждый вид РА приказа обладает своим набором средств выражения побудительной модальности, но императив как универсальное средство выражения побуждения присутствует в каждом РА ФСП приказа.

Список использованной литературы

1. **Вежбицка А.** Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-275.
2. **Лингвистический энциклопедический словарь** / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополн. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
3. **Миляева И. В.** Отрицательный директив в коммуникативно-целевом аспекте: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Орёл, 2004. – 21 с.
4. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
5. **Русская грамматика:** В 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 2.
6. **Словарь современного русского литературного языка.** – В 17 т. – М.: АН СССР, 1957 (Т. 6), 1961 (Т. 11).
7. **Шепелева Н. М.** Побудительная модальность и способы её выражения в современном эрзянском языке: Дис. … канд. филол. наук. – Саранск, 2005.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КРИТЕРИЕВ РАЗЛИЧЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ

Кропотова Л. В.

Вятский государственный гуманитарный университет

Основные вопросы научного описания многозначности лексических единиц связаны с определением границ этой категории. Определение границ категории многозначности не поддается четкой операционализации. Поискам критериев, позволяющих разграничить полисемию и омонимию, с одной стороны, и полисемию и моносемию - с другой, посвящено значительное количество исследований (работы И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, Ю.Д. Апресяна, Д.О. Добровольского). Однако любой из предлагаемых критериев, взятый в отдельности, носит лишь относительный характер. Традиционно разграничение омонимов и отдельных значений многозначного слова проводится на основе критерия наличия - отсутствия общих семантических признаков у сопоставляемых единиц: *лук*[1] 'огородное растение, овощ' и *лук*[2] 'ручное оружие для метания стрел'. Ранее объективным критерием омонимии считалось различие грамматических категорий для двух лексических значений или различие выражения грамматических категорий при разных значениях: *час(ы)* - ‘отрезок времени’ и *часы* - ‘инструмент для измерения времени’ [Апресян 1995:183]. Вместе с тем в ряде случаев грамматические или морфологические различия могут сопутствовать полному несходству лексических значений, но не всегда. В примере *час* - *часы* в значении просматривается общая часть - ‘время’; поэтому оценка данных существительных как омонимичных единиц вступает в противоречие с определением омонимии. Одним из объективных критериев омонимии считалось также наличие у слова разных производных одного словообразовательного класса: *бунт* (кипа) - *бунтовой, бунт* (восстание) - *бунтовской*. Этому противоречат примеры типа *земля* - *земной* (шар), *земляной* (вал), *земельный* (участок), где омонимии нет. В таких случаях - различие в производных не более чем различие в значениях. Проще выделить омонимы там, где совпадает лишь одна из форм соответствующих слов, ср. *три* как числительное и *три* как форма повелительного наклонения глагола *тереть*. Легко выделяются также омофоны (*луг* и *лук*) и омографы (*мука́* и *му́ка*). Имеют ли две сравниваемые лексические единицы общие семантические признаки или нет -

сложно найти однозначный ответ. Так, лексема *коса*[3] 'длинная узкая отмель', трактуемая словарями как третий омоним по отношению к словам *коса*[1] и *коса*[2], явно обнаруживает общий семантический признак с лексемой *коса*[2]: нечто вроде сходства по форме [Апресян 1995:183]. Общие признаки могут быть выделены операционально только в том случае, если им сопоставляются совпадающие элементы толкования.

Семантическое описание лексических единиц представляет собой теоретический конструкт, полученный в результате анализа. В зависимости от того, как толкуется та или иная семема, какие семантические признаки она разделяет с другими семемами, признаки могут выделяться и фиксироваться в толковании или нет (слабые признаки). Отсутствие общих признаков в толковании не означает, что они не могут быть выделены в соответствующих семантических структурах в принципе. Напротив, выделение общих признаков в качестве основания для постулирования полисемии может быть в ряде случаев оспорено, так как существенно не только их потенциальное присутствие, но и их статус в плане содержания толкуемой единицы. В частности, это могут быть этимологически выделяемые признаки, не входящие в собственно значение слова на синхронном уровне [Добровольский 2004: 78].

Относительность критериев различения полисемии и омонимии, а также известная субъективность в выборе способа словарного описания подтверждаются тем, что одни и те же слова по-разному трактуются разными словарями: *стопа* как 'нижняя часть ноги' и *стопа* как 'повторяющаяся ритмическая единица стиха' описываются в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова в рамках одной словарной статьи как разные значения [Толковый словарь русского языка 1940: 534], тогда как в «Словаре современного русского литературного языка» даются как омонимы [Словарь современного русского литературного языка 1963: 946].

Использование критерия общих семантических признаков осложняется еще и тем, что для адекватного и экономного описания соответствующей лексической единицы следует принимать во внимание ее семантическую структуру в целом. Как известно, выделяются два основных вида семантической структуры многозначного слова: цепочечная и радиальная полисемия. Цепочечная полисемия отличается от полисемии радиальной тем, что в этом случае отдельные значения слова *X* 'B', 'C' и 'D' связаны общими признаками не с неким главным значением 'A', мотивирующим все остальные, а как бы по цепочке: у значения 'A' обнаруживается некий общий признак со значением 'B', у 'B' некий иной, отличный от предыдущего общий признак со значением 'C' и т.д. В этом случае «крайние» значения 'A' и 'D' общих признаков могут и не иметь.

Сходным образом и в случае радиальной полисемии семантические связи между значениями 'A' и 'B', 'A' и 'C', 'A' и 'D' могут осуществляться на основе разных признаков [Апресян 1995: 186]. Тогда оказывается, что значения 'B', 'C' и 'D' непосредственно не связаны между собой. Однако при системном рассмотрении всех значений 'A', 'B', 'C', 'D' разумно говорить о полисемии слова *X*, вместо того чтобы разбивать его на ряд омонимов - критерий наличия либо отсутствия общих семантических признаков, взятый сам по себе, в ряде случаев оказывается недостаточным. Очевидно, что и расположение отдельных семем многозначного слова отнюдь не безразлично для осмысления его семантической структуры как некоего единства, так как, например, противопоставление значений 'A' и 'D' без промежуточных звеньев 'B' и 'C' (в случае цепочечной полисемии) навязало бы иную интерпретацию.

Один из критериев разграничения полисемии от омонимии - это критерий несходства значений, фактор, непосредственно отражающий суть этих двух языковых явлений: омонимы *топить* (тонуть) и *топить* (становиться жидким путем нагревания), имеющие смысловую общую часть, менее омонимичны, чем омонимы *брак* (супружество) и *брак* (несоответствие норме качества), не имеющие даже такой общей части. В связи с этим можно говорить о типах полисемии, по-разному удаленных от омонимии. Наиболее близки к омонимии типы метафорически мотивированной полисемии. Иногда в словарях такая полисемия трактуется как омонимия, например, *пленить* - ‘взять в плен’ и *пленить* - ‘очаровывать’[Апресян 1995: 185].

Сложности в определении границ между полисемией и омонимией объясняются самим устройством языка. Реально мы имеем дело не с четко разграниченными явлениями, а с постепенными переходами, т.е. с некоторой градуированной шкалой, на одном конце которой находятся «классические» омонимы типа *лук*[1] и *лук*[2] [Апресян 1995: 185], а на другом - тесно связанные между собой значения, общая часть семантики которых имеет больший вес, чем релевантные семантические различия (например, *поле* в сочетаниях типа *пшеничное поле* и в сочетаниях типа *футбольное поле*).

Для выработки критериев по разграничению полисемии и моносемии важно изначально четко представлять себе, что в реальной речи мы имеем дело с бесконечным множеством разных употреблений лексических единиц, а не с готовыми списками семем. Если перед лингвистическим описанием стоит задача определить, сколько значений имеет слово *X*, и охарактеризовать эти значения содержательно, то исходным пунктом является не некое «общее значение», виртуально присущее этому слову, а его различные употребления в речи. В каком-то смысле каждое из употреблений оказывается уникальным, поскольку слово, рассматриваемое как единица речи, т.е. употребленное в конкретной ситуации общения, обрастает дополнительными смыслами, привнесенными данной ситуацией.

Список использованной литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и. доп. М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VII. 472 с. ISBN 5-88766-043-0. ISBN 5-02-017906-x.

2. **Добровольский, Д. О.** Регулярная многозначность в сфере идиоматики // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян . М.: Языки славянской культуры, 2004. 880 с. ISBN 5-94457-168-3. ISSN 1727-1630.
3. **Добровольский, Д. О.** Полисемия // Энциклопедия «Кругосвет»: www.krugosvet.ru, 2000.
4. **Новый большой немецко-русский словарь** / под ред. Д. О. Добровольского. М.: Астрель. В стадии разработки.
5. **Словарь современного русского литературного языка.** М., Лен.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 14. 1390 с.
6. **Толковый словарь русского языка** / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Государств. изд-во иностр. и нацональн. словарей, 1940. 1500 с.
7. **Duden.** Deutsches Universalwörterbuch. Hrsg. u. bearbeitet vom Wissenschaftlichen Rat u. d. Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von G. Drosdowski. Bibliographisches Institut Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1983. 1504 S. ISBN 3-411-02175-6.
8. **Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache.** Hrsg. von D. Götz, G. Hänsch, H. Wellmann. Aufl. 4. Berlin/München/Wien/Zürich/New York: Graphischer Großbetrieb Pössneck, 2001. 1216 S. ISBN 3-468-49026-7.
9. **Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten.** Zweifelsfälle, Normen und Varianten im gegenwärtigen deutschen Sprachgebrauch. Hrsg. von J. Dückert u. G. Kempcke. Leipzig: Ott Verlag Thun, 1986. 543 S. ISBN 3-7225-6194-9.

ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ СИМВОЛИСТОВ

Крылов В. Н.
Казанский государственный университет

Общая тенденция в критике начала века (в символистской особенно) – в том, что среди форм речевого контакта в статьях увеличивается роль конструкций от лица автора. Критик стремится разными способами «открыться» перед читателем. В предшествующие этапы развития русской критики происходит постепенная дифференциация как образа автора, так и адресата критической статьи. У Михайловского личность автора статей «все больше теряет обобщенный характер и чаще всего репрезентируется с помощью местоимения *я*» [Руженцева 2001: 37]. Эта форма характерна для значительной части статей А. Блока, З. Гиппиус, И. Анненского, М. Волошина, для отдельных статей А. Белого, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Д. Мережковского. Д.Е. Максимов писал, что «авторское *я* присутствует в блоковской прозе – с большой активностью, но без навязчивости – как формально-грамматическое явление и как способ организации материала (речь от лица традиционно-архаического журнального «мы» встречается у Блока крайне редко)» [Максимов 1975: 268].

Уже первые критические опыты Д. Мережковского («Старый вопрос по поводу нового таланта», «Рассказы Вл. Короленко», «Достоевский») написаны с использованием формы личного «я». Наряду с текстообразующей функцией, как средства оформления ретроспекции текста («От великих перехожу к поколению современных литературных эпигонов», «Прежде чем *я* перейду к поколению современных русских писателей-идеалистов, *я* должен сказать несколько слов о другом могущественном литературном течении, также вполне современном, имеющем огромную бездушность <…> *Я* разумею народничество») [Мережковский 1994: 185-186], «я» создает тон беседы, приближает критическую статью к устному рассказу, возрастает убедительность изложения.

В критической статье, как и в любом другом типе текста, в аспекте восприятия читателем и воздействия на него, значимы так называемые сильные позиции. Личное «я», например, в начале статьи позволяет быстрее завоевать читателя. Вот характерные зачины статей: «Давно мне хотелось поговорить о том, во что превратились отношения людей между собою и какие из этого рождаются тупые и ненужные страдания»; «Мне скучно. Читал-читал целый месяц и журналы, и газеты – нечего даже на полях отметить»; «В кухне у меня живет небольшая, плотная и уже не первой молодости собачонка - Гринька»; «Устал от чтения Миров Божьих, Вестников Европ, Русских Вестников, Богатств и Мыслей, от Куприных, Величек и Серафимовичей»; «Что мне делать? Литература, журналистика, литераторы – у нас тщательно разделены надвое и завязаны в два мешка, на одном написано: «консерваторы», на другом – «либералы» [Гиппиус 2003: 26, 41, 48, 58, 72].

Гиппиус как бы сразу приближает к себе читателя сообщением о своих чувствах, настроениях, привычках, привязанностях, воспоминаниях. Начало может быть передачей некоего общего мнения, с которым автор соглашается или спорит: «Стали все чаще говорить, что хороших стихотворцев нет, плохонькие ударились в декадентство, где ничего понять нельзя, что поэзия вырождается, и даже – что стихи не нужны. С этим последним положением я в некоторой степени согласна» [Гиппиус 2003: 66].

Личная местоименная форма используется и для подтверждения и спора с ранее высказанными утверждениями. Через объективно-авторскую *ретроспекцию* (термин И.Р. Гальперина) читатель настраивается не только на переосмысление сказанного ранее, с учетом изменившихся условий литературно-общественной жизни, но и на восприятие критического текста как единого целого:[1] «Давно, в каких-то заметках о русской литературе, я говорил, что у нас, собственно, литературы нет и не было, а были только литераторы. Это верно, хотя и не совсем»; «Должен покаяться: я когда-то преувеличил заслугу «Русского Богатства» в отношении именно выбора беллетристики…» [Гиппиус 2003: 358, 450].

[1] В кандидатской диссертации итальянской исследовательницы М. Паолини выдвигается гипотеза о «транстекстуальном» характере критической прозы Гиппиус [Паолини 2003: 12]. На наш взгляд, одним из способов достижения «транстекстуальности» являются формы ретроспекций в критическом тексте.